

~ ИСТОРИИ ~
МИРА КНЯЖЕСТВ

Пути Волхвов

Мертвое царство

Каменное сердце

Пути Волхвов

Анастасия
Андреанова

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Иллюстрация на переплете *Эвана Ярвинена*

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Дизайн макета *Дины Руденко*

Андрианова, Анастасия Александровна.
А65 Пути Волхвов / Анастасия Андрианова. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-180402-2

Княжества терзает Морь — загадочная болезнь, которая убивает или обезображивает людей. В этом винят скоморохов, сжигающих деревни и города.

Княжий гонец Кречет мчит сквозь владения лесовых, чтобы найти волхва для больного княжича, но находит лишь болтливого мальчишку-иноземца.

Художник, свечник, сын рыбака и девушка, бегущая от прошлого, оказываются на перепутье, и в какое кружево сплетутся их судьбы, знает только Господин Дорог.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андрианова А.А., текст, 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-180402-2

Пролог

Свеча в руке у Энгле дрожит, плачет горячим воском, капает на пальцы. Энгле и сам дрожит, трясущиеся губы беззвучно шепчут слова старого заговора. Воздух вокруг зыбится и идёт рябью – непроглядно-чёрный и звенящий весенним холодом, как мрак владений Серебряной Матери.

Явись и забери то, что я тебе даю.

Явись и не сбеги.

Явись...

Рыжий огонёк мигает, захлёбывается плавящимся воском, и пальцам Энгле становится горячо, так горячо, что хочется скорее бросить огарок. Ещё ему страшно. Очень страшно, и по хребту бегают крупные ледяные мурашки.

Перед Энгле серой лентой стелется дорога, почти не различимая в эту тёмную беззвёздную ночь. Позади него – тоже дорога. И слева, и справа тянутся пути, уводящие куда-то через поля, в далёкие земли, о которых он и не думал никогда.

Энгле стоит на перекрёстке. Ему нужен тот, кто владеет всеми дорогами на свете, тот, кому подвластны не только перекрёстки и Тракты, но и сплетения людских судеб. Энгле старается не думать, сколько в окрестных лесах и прудах таится нечистотей: сейчас, в тёмные весенние ночи, они становятся особенно охочи до человеческих душ. Ветер перебирает волосы на затылке, забирается под тонкую рубашку, но Энгле продолжает упорно шептать:

Явись, Господин Дорог, на мой зов.

Прими мой дар, Господин Дорог.

Явись и не сбеги.

Сзади – деревня. Энгле не оборачивается, не видит её огней, но спиной чувствует, как окна домов глазют на него. Он зажмуривается, не прекращая шеве-

лить губами. Ничего не меняется, тьма такая плотная, что закрывай глаза, что открывай — всё одно. Энгле кажется, что кто-то пробегает перед ним по дороге. Он сбивается, перестаёт шептать, облизывает пересохшие губы и вертит головой по сторонам. Нет, не видно Господина Дорог. Должно быть, прошмыгнула лисица. А может, и лешак.

Он не может вспомнить, на каком месте заплулся. Слова заговора, так тщательно заучиваемые в течение долгих недель, вылетают из головы. Свеча шипит, Энгле шипит тоже, стряхивая с пальцев капли обжигающе горячего воска. Огонёк гаснет, и тьма накрывает Энгле колпаком. Не видно вообще ничего. Запахи ночи сразу становятся резче, соловьиная трель в черёмуховых зарослях кажется надрывной и зловещей. В пруду за кустами квакают лягушки, будто насмехаясь.

Нет Господина Дорог.

Дыхание Энгле сбивается. Он не может понять, что чувствует. Злость — от того, что Господин Дорог не явился. Затаённую радость — от того же. Может, не придётся отдавать себя в услужение. Страх — что же так темно кругом?

Энгле вдыхает через нос и решает оглянуться. Ночь как ночь, но какая-то неуловимая жуть разлита кругом. От заговора? От нечистецей, затаившихся под кустами? Или от того, что он сам наделил эту ночь особым, тайным смыслом?

— Штаны рваные. Мог бы и приодеться.

Энгле подпрыгивает на месте, едва не падает на землю. Сердце срывается в галоп. Он резко оборачивается и издаёт не то изумлённый вскрик, не то всхлип.

На дороге перед ним стоит человек. Очень странный человек. Маленький — не с мужчину, а с подростка, одетый в тёмные штаны, серую рубашку и красный жилет, расшитый мелкими камнями и серебряными нитями. На ногах — сапоги с чуть заострёнными носами, каких в деревнях отродясь не носили. Лицо у человека странное: не молодое, не старое, какое-то

переменчивое, будто каждый миг ему исполняется то десять, то сорок, то девяносто зим. Нос у него тонкий, с резко очерченными ноздрями. Рот растянут в полуулыбке, губы узкие, а глаза с недобрый прищуром похожи на спелые черешни.

Энгле не разглядел бы всего этого, если бы не целая стая светляков, облепивших пальцы человека. Он держит руку согнутой в локте, и светляки как раз освещают его лицо. Немного света достаётся даже молодой весенней траве под ногами.

— Г... Гос... — Энгле страшно заикается. Ему хочется броситься прочь. Спина взмокает, и рубаха противно прилипает к телу. То, чего он так боялся и чего так желал, произошло.

— Нет-нет. — Человек машет рукой, и несколько светляков осыпаются на дорогу, похожие на капли расплавленного олова. — Не нужно говорить со мной заученными фразами. Я понимаю и так. Люди нарекли меня Господином Дорог, но это вовсе не означает, что все речи нужно начинать с упоминания этого прозвища. — Он закусывает длинный ноготь на указательном пальце, будто крепко о чём-то задумавшись. — Так чего ты хочешь, малец? Зачем так настырно звал?

Господин Дорог садится на землю, скрестив ноги, и подпирает подбородок кулаком — тем, который свободен от светляков. Энгле шумно сглатывает.

— Я готов перейти к тебе в услужение.

Лягушки в пруду резко замолкают. На миг кругом воцаряется странная тишина, но уже в следующее мгновение Господин Дорог начинает смеяться. Энгле бросает в жар от стыда. Не так, ох, не так он представлял себе их разговор!

Смех обрывается так же внезапно, как и начался. Лягушки снова заливаются гортанным кваканьем. Со стороны деревни тянет дымком, а от черёмухи — густой душистой сладостью.

— И на что ты мне сдался? Я ведь не лесовой, что делает несчастных своими лешачатами. И не водяной,

которому служат русалки, мавки да водяницы. Ну ты и чудак!

Господин Дорог качает головой, и его длинные, до плеч, волосы кажутся Энгле то седыми, то тускло-русыми. Энгле снова сглатывает. Пить хочется страшно.

— Так... Вроде бы говорят, что ты любой путь укажешь за службу верную.

— Бабкины сказочки, — сочувствующе вздыхает Господин Дорог. — Но всё же теперь любопытно, чего ради ты меня звал. Даже душу хотел предложить... Что за путь хотел изведать? Узнать дорогу к богатству или судьбу людскую?

Он насмешливо качает рукой, облепленной светлячками. Энгле опускает взгляд на свои грязные истоптанные постолы¹ и бубнит:

— Батька мой пропал. Отплыл за рыбой, как обычно, да только почти год миновал, а обратно всё никак не плывёт. Запутал, видать, в своих морях. Мамка переживает, всё на Тракт смотрит — не едет ли? И денег у нас впритык осталось. Вот, попросить тебя хотел. Не укажешь ли путь кораблю? Раз все дороги тебе подвластны. Пожалуйста.

Последнее слово он произносит так жалобно, что самому становится противно. Энгле ещё немного рассматривает свои стопы, пинает мыском камешек и только потом решается поднять глаза на Господина Дорог.

Тот продолжает сидеть на перепутье и, кажется, позабыл обо всём на свете, любитесь тем, как ручные светлячки ползают по пальцам и запястью. Энгле робко кашляет.

— Занятно. — Господин Дорог наконец устаивает его быстрым взглядом. — Сдаётся мне, твой батюшка причалил к другой пристани, потому что заблудившихся кораблей на моих тропах давно уж не было. К морякам я питаю особенно нежные чувства, поэтому

¹ П о с т о л ы — простая кожаная обувь типа лаптей.

стараюсь вызволять их из передряг задолго до того, как их юные отпрыски решатся вызвать меня, стоя на перекрёстке со свечой в руках.

— Причалил к другой пристани? Разве это не всё равно что заплутал? — Энгле хмурится.

— Почти. Но если бы заплутал — хотел бы вернуть-ся. Звал бы меня. А твой папенька чувствует себя на своём месте. Он не ищет, он нашёл. Скажи матушке, чтобы не волновалась, а проклинала неверного муженька. Но так и быть. Я могу его вернуть. Сплету путь иначе.

Господин Дорог вынимает из кармана золотистую кудель и, поддев нитку ногтем, начинает ловко плести что-то, отдалённо напоминающее кружево.

Энгле бросает то в жар, то в холод. Он не совсем понимает, что говорит Господин Дорог — как-то путано, туманно. Так говорят городские — всё намёками да недомолвками. Догадайся, мол, сам. Но беспокойство поселяется в животе, под нижними рёбрами, и бьётся, как бабочка, пойманная в ловушку. *«Не ищет, а нашёл»...* *«Неверный муженёк»...*

Понимание приходит внезапно, как нахлынувшая волна. Энгле обжигает обидой, переходящей в злобу.

— За тобой должок. — Господин Дорог хитро щурится. — У меня достаточно куда более интересных дел, но раз уж ты так верил в то, что я действительно вернусь, если встать на перекрёстке со свечкой и прочитать наговор... То я польщён твоим упорством.

— Но ты же явился, — упрямится вдруг Энгле. — Значит, я всё сделал правильно.

— Кто зовёт — к тому приходят. — Господин Дорог встаёт, отряхивает штаны от дорожной пыли, убирает кудель обратно в карман и пересаживает нескольких светляков себе на плечи. — Ты звал — я пришёл. Должок, помни. — Он грозит Энгле длинным пальцем.

Энгле понимает, что через пару мгновений чудесная встреча закончится, и брякает первое, что приходит в голову:

— Я думал, ты ростом повыше.

Господин Дорог хмыкает себе под нос. Снова грозит пальцем и широко ухмыляется.

— Представь, если б я был ростом с двух мужчин. И косая сажень в плечах. Ты бы окоченел со страху, не так ли?

Энгле не успевает ни ответить, ни толком покраснеть. Господин Дорог исчезает, просто растаяв в воздухе, как дым из печной трубы. На земле остаются несколько светлячков. Насекомые взлетают и садятся Энгле на плечи. Этого как раз хватает, чтобы осветить тропку, ведущую домой.

Глава 1

ЛИХО В ЛЕСУ

В своей жизни я больше всего ненавижу три вещи: голод, болезнь и погони. И именно от погони мы с Рудо пытались уйти.

Я прижимался всем телом к широкой мохнатой спине моего верного монфа, пригибал голову, чтобы колючие ветви не хлестали по лицу. Боли я не боюсь, да только без глаз остаться было бы худо.

Лапы пса бесшумно касались лесной земли, он нёсся с такой резвостью, какую трудно предугадать, глядя на его лохматое грузное тело. Я не оглядывался, но слышал, как по пятам мчится какое-то лихо, ломая ветки и тяжело, надсадно дыша.

Я точно знал, что это не люди. Человек не посмеет свернуть с Тракта, а если кто и наберётся смелости, то не станет нестись сквозь Великолесье сломя голову, без уважения и опаски. И тем более не попытается напасть на княжьего гонца — сокола.

Нечистецы тоже не нападают на нас. Тем более на меня — Кречета, сокола Холмолесского княжества. Со здешними лесовыми у меня давно если не приятельские, то хотя бы ровные отношения, вредить друг другу мы точно не станем. Я не мог понять, от кого мы пытаемся уйти, и из-за этого делалось тревожно. Не страшно — страха я давно не помнил. Но беспокойно и смутно на сердце.

Чёрная фигура с нечеловеческой ловкостью проскочила между елями справа от нас и жутко заверещала. Рудо рыкнул и дёрнулся в сторону, но я хлопнул его по шее, заставляя бежать вперёд. Пёс послушался, как и всегда, но я видел, как подрагивают маленькие, плотно прижатые к голове уши. Рудо тоже слыл бесстрашным — безголовым, как сказали бы многие, но близость непонятных тварей пугала даже моего верного пса.

Сунул руку за пазуху и вынул пару железных звёздочек с остро заточенными лучами-гранями — грозное оружие в руках опытного бойца, пусть и выглядят они несерьёзно. Метнул не глядя куда-то в темень и по визгу понял: попал.

— Угощайтесь, твари, — усмехнулся и спрятал лицо в густую пёсью шерсть, спасаясь от ощерившихся сплетений куманики, которые встали на пути.

Рудо легко оттолкнулся мощными задними лапами и перемахнул через заросли, словно взлетел. Я одобрительно похлопал его по крутому боку и поспешил снова покрепче ухватиться обеими руками за шею.

Ни один конь не продрался бы сквозь Великолесские чащи. Ни один человек не выбрался бы отсюда таким, каким был раньше. И я был счастлив, безмерно счастлив, что вместо тонконового коня у меня есть Рудо — огромный, с медведя, косматый и клыкастый монф, непременно нагоняющий страху на всех, кто видит его впервые.

Отовсюду разом послышалось свистящее шипение, и стало ясно, что нас окружили с трёх сторон. Как же, будь они прокляты, избавиться от преследователей? В горле пекло от злости — загоняют в угол, дряни, чтоб им под землю провалиться. Я бы предпочёл сразиться с ними лицом к лицу, пусть даже их было штук девять, не меньше, да только перед началом боя неплохо бы определить, что за противник перед тобой. Твари будто дразнили нас, то мелькая прямо перед носом Рудо, то отбегая в сторону и даже перескакивая на нижние ветви елей. Внезапно осознал: без меня пёс мог бы бежать втрое быстрее. Так дело не пойдёт.

— Возвращайся на Тракт и беги в Топоричек. Я найду тебя, — шепнул я на ухо псу, хлопнул его по боку и, подтянув колени к груди, соскользнул со спины монфа на землю.

Рудо привык слушаться с первого раза, этому его научили ещё несмышлёным щенком. Пса уже не было видно, когда я перекатился на живот и рывком поднялся на ноги, замерев в боевой стойке. В одной руке

уже был зажат кривой нож, вытащенный из голенища сапога, а в другой я держал с полдюжины звёздочек.

Я зычно крикнул, призывая тварей выйти из мрака под свет Серебряной Матери и явить свои личины. Ну и где эти смельчаки, напавшие на одинокого путника? Я стоял прямо посреди поросшей мхом опушки, и луна серебрила мою фигуру, делая её хорошо заметной. Со всех сторон окружал лес, но никто не мог бы приблизиться ко мне незамеченным, а сам я своим видом показывал: подходите, нападайте, мне нечего скрывать и некого бояться. Я рыкнул и сделал выпад ножом, приглашая сразиться. Справлюсь ли с девятью противниками разом? Кто ж знает. Одно я понимал с предельной ясностью: коварный враг напал бы исподтишка, убил сразу, одним ударом и не стал бы так долго гнаться по Великолесью. Быть может, нас хотели запугать или перепутали меня с кем-то.

Ветви зашевелились, и на опушку выступило девять фигур в грязных изодранных плащах. Я бы принял их за нищих бродяг в рубище, если бы не видел, с какой скоростью они могут нестись по дремучей чаще и влезать на деревья. Я не мог разглядеть ни рук, ни лиц: каждая пядь их тел была скрыта тряпьем, головы укутывали капюшоны. Твари стояли и шипели погрюбчи, не спеша нападать.

Одним неуловимым движением я метнул все шесть звёздочек — четыре твари завалились на землю, я скакнул в сторону, перепрыгнул через поваленную осину и скатился по склону оврага, пересчитывая рёбрами кочки и толстые упавшие ветки.

Спасаться бегством — неблагоприятное занятие. Но теперь противников стало почти вдвое меньше — вряд ли упавшие встанут и продолжат погоню, хотя кто знает, что это за существа и откуда взялись. С остальными разберусь по дороге, главное, не приводить их в Топоричек, к мирным людям. Я не понимал, как Смарáгдель мог допустить, чтобы в его владениях появились эти облачённые в лохмотья выродки? Где его бойкие ле-

шачата, готовые выдворить любого, кто ступит в эту часть Великолесья? Из оврага уже виднелись огни Топоричка, мигающие далеко впереди. Нужно выманить тварей на открытое пространство, но сделать это так, чтобы их не привлекли огни.

Я снял со спины короткий лук и сунул в зубы несколько стрел. Тени двигались через заросли, хрустя ветками. Их надсадное дыхание звучало отвратительными влажными всхлипами, как у чахоточных больных. Прицелившись, я выстрелил. Слишком темно, слишком многое мешало, но я не носил бы сокольных знаков, если бы не мог справиться с этой задачей.

Стрела со свистом сорвалась с тетивы. Следом за ней — ещё три. По визгливым хрипам я понял, что попал в цель. Молниеносно вытащил из голенища ещё два коротких ножа, развернулся и метнул их.

На лес опустилась тишина, от которой заложило уши. Я удовлетворённо ухмыльнулся себе под нос и пошёл искать тела, чтобы вытащить ножи и стянуть капюшоны с ублюдков — князь захочет знать, что за лихо на меня напало. Да и самого любопытство разбирало.

Под взором Серебряной Матери каждый лист казался отлитым из неведомого синеватого металла, а мох влажно мерцал росой, облепляя кряжистые бугристые тела деревьев. Я поднялся по скосу оврага и огляделся по сторонам в поисках убитых, но ничего не нашёл. В брусничной поросли поплёскивал нож. Он вонзился в мясистую шляпку лисьедуха — крупного сине-серого гриба в белёсых точках. Я срезал гриб и сунул в поясной мешок. Пригодится. Покрутил головой и увидел второй нож, а выше по склону нашёл все свои стрелы, но ни одного мертвеца не обнаружил — лишь примятую траву. С напускной вальяжностью повёл плечами, не позволяя мурашкам пробежать по спине. Что за жуть здесь творилась? Не могли же они провалиться сквозь землю? Сжав два пальца, я осенил себя треугольником Серебряной Матери. Ладно. Потом разберусь, главное, что удалось отбиться.

— С тебя чарка пенного, Смарагдель! — крикнул в чашу. — Я очистил твою вотчину.

Рёбра начинали ныть после неуклюжего падения, но я давно привык не обращать внимания на боль, усталость и прочие неудобства. Впереди звал огнями Топоричек, там я найду кров, пищу и выпивку. А главное — там меня ждёт Рудо.

Подходя к селению, я закатал рукава, обнажая знаки соколов — рисунки в виде соколиных крыльев, укрывающие кожу от локтей до запястий. Такие носят все шестеро гонцов-соколов, даже холёная красавица Пустельга, чтобы нас можно было безошибочно отличить от простых гонцов. Свои знаки мы получаем после посвящения — умираем людьми и взлетаем соколами — обычно зим в пятнадцать—шестнадцать. Я свои получил в одиннадцать. Приглашённый князем волхв искусно взрезал белую мальчишескую кожу и долго втирал в раны краску, чёрную, как глаза верховного водяного. Я тогда не проронил ни слезинки, только кусал до крови нижнюю губу. Потому что ещё раньше меня научили не бояться боли. А сдерживать слёзы я умел, кажется, с самого рождения.

Простой люд нас уважает — потому лучше сразу показать рисунки на руках, когдаходишь в деревню. Так скорее предложат тёплую комнату, отыщут лучшее пенное и сварят свежую похлёбку, сбавив цену, а то и вовсе дадут всё это бесплатно.

Едва я ступил на широкую укатанную ленту Тракта, на меня налетела мохнатая буря, едва не сбив с ног. Чудом устояв, я вытянул руки, пытаюсь обнять Рудо, но тот суетливо вилял толстым хвостом, как бестолковый щенок, и норовил лизнуть в лицо. Я обнял его за шею и прижался щекой к упрямому лбу. Рудо, Рудо, мой старьёй друг... В шерсти пса запутались тонкие ветки и сухие иголки, глаза смотрели устало, но он был цел.

